Владимир Мякішев
Kraków

Из истории изучения первопечати *Литовского Статута 1588 года*: одной гипотезой могло бы быть меньше

Известный ученый, признанный специалист по истории права ВКЛ, проф. И.И. Лаппо в свое время написал:

> Первое издание Литовского Статута 1588 года, вышедшее в Вильне из типографии Мамоничей, вне всякого сомнения, должно быть признано одним из наиболее выдающихся произведений (западно-)русской старопечати[1].

Мнение профессора находит подтверждение в двухсотлетней практике исследования кодекса, показавшей уникальную значимость как содержания этой книги – с учетом зрелости включенных в нее правовых положений, так и формы – образца мбстерской старопечати. Останавливая внимание на „друкарской" стороне вопроса, заметим, что далеко не все секреты ремесла виленских братьев получили должное объяснение. Репутацию загадочности Литовскому Статуту (далее – ЛС) во-многом придавал труднообъяснимый факт наличия книг-двойников, -тройников и т.д. – экземпляров-аналогов с одной и той же датировкой, но разного набора.

Понаслышке об ином экземпляра кодекса, отличном от описанного в сочинении *O Statucie Litewskim*..., упоминал С. Линде[2]. Воочию несовпадающие в графических элементах „русские" Статуты первым увидел И.Н. Данилович[3]. В работе 1823 года он высказывает

---

[1] И.И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года,* Каунас 1934-1938, т. I, ч. 2, с. 394.

[2] S.B. Linde, *O Statucie Litewskim Ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość*, Warszawa 1816, s. 167.

[3] В 1822 году редакция журнала „Dziennik Wileński" в примечании к небольшому сообщению А. Сосновского о втором – рукописном – Статуте указывает на 4 пе-

мнение о „dwukrotnem przedrukowaniu" книги[4], а в 1838 году, выступая, правда, под псевдонимом Д[един], пересматривает свою прежнюю позицию:

> было всего три тиснения, без сомнения, разных лет, хотя на всех выставлен один 1588 год и печатание произведено с такой тщательностью, что не скоро можно открыть разность[5].

Много позже С. Пташицкий говорит о четырех изданиях Статута, подтверждая свое мнение публикацией снимков одной и той же страницы памятника с различным расположением сигнатур[6]. Концепция трех изданий утвердилась в русской, белорусской и литовской библиографии[7], польские же источники отстаивают вероятность четырехкратного обращения Мамоничей к „русскому" своду великокняжеских законов[8]. При этом и исследователи и библиографы сходились и в основном теперь сходятся в одном – издания Статута печатались братьями-типографами последовательно, даты каждого выпуска разделяют годы[9].

чатных экземпляра ЛС 1588, отмечая что „wydanie to po dwa kroć było powtórzone z zachowaniem kart, wierszy, roku z malemi tylko odmianami" (Dziennik Wileński" 1822, t. II, s. 200). Авторство редакционной заметки приписывают И.Н. Даниловичу.

[4] I. Danilowicz, *Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Litewskiego...*, „Dziennik Wileński" 1823, t. II, s. 168-177.

[5] Д(един), *О Литовском статуте*. ЖМНП 1838, февраль, с. 383.

[6] S. Ptaszycki, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego i jego przeróbki*, [w:] *Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego*, „Rozprawy Wydziału III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie", Wilna 1935, t. VIII, s. 165-166.

[7] См.: Ю.А. Лабынцев, *Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI века*, Москва 1979, с. 32, 34, 36; *Издания кириллической печати XV-XVI вв. (1491-1600 гг.). Каталог книг из собрания ГПБ*. Сост. В.И. Лукьяненко, Санкт-Петербург 1993, с. 231-232; *Книга Белоруссии. 1517-1917. Сводный каталог*, Минск 1986, с. 65-66, 69, 72-73; *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*. Мінск 1989, с. 531-532; V. Raudeliūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidiami (1588-1600)*, [w:] *Bibliotekininkyst ir bibliografija*, t. 3: *Rusų knygos spausdinimo pradžia ir Lietuva*, Vilnius 1966, V, s. 150-153; A. Dubonis, *Trečiojo Lietuvos Statuto egzemplioriai Lietuvos bibliotekose*, „Bibliotekų darbas" 1989, 3, s. 28-29.

[8] См.: *Bibliografia Polska* K. Estreichera, Kraków 1933, t. 29, s. 152-157; M. Cytowska, *Bibliografia druków urzędowych XVI w.*, Wrocław 1961, s. 114-116.

[9] В настоящее время господствуют две точки зрения на хронологию статутовых изданий: выведенная с опорой на книговедческий анализ (датировка: 1588 – 1592/93 – 1594/95 гг.) (А.С. Зернова, *Типография Мамоничей в Вильне*, „Книга. Исследования и материалы" 1959, 1, с. 191-196) и базирующая на исследовании водя-

Однако в конце 20-х годов XX века была предложена и обстоятельно аргументирована по-настоящему революционная гипотеза, перечеркивающая все прежде высказанные предположения о печатной практике Мамоничей. Автором открытия был упомянутый уже И.И. Лаппо (1869-1944).

Этот выходец из старинного дворянского западнорусского рода начал свою научную деятельность еще студентом Петербургского университета. Защита магистерской диссертации позволила ему получить должность приват-доцента в родном вузе (1902-1905), а переселение в Юрьев, казалось бы, гарантировало молодому профессору как плодотворную, так и спокойную работу в одном из старейших европейских университетов. Но в 1918 году – после оккупации Прибалтики немцами – И.И. Лаппо вместе с многими другими преподавателями Юрьевского университета оказывается в Воронеже, откуда через полтора года с отступающими белыми войсками эмигрирует за границу – сначала в Югославию, а потом Чехию. Пражский период биографии ученого (1921-1932), связанный с профессорством в местном Русском народном университете, сменил переезд в Литву и годы работы в Каунасском (1933-1940) и Вильнюсском (1940-1941) университетах. Однако и литовской земле не суждено было стать для И.И. Лаппо последним пристанищем – он умер в 1944 году в Дрездене[10].

Ко времени вероятной разгадки типографского секрета Мамоничей И.И. Лаппо уже был маститым ученым, посвятившим изучению Статута свыше пятнадцати лет жизни[11]. Спустя несколько лет профессор расширил аргументацию своей гипотезы в труде *Литовский Статут 1588 года* – по сей день непревзойденном историческом исследовании, рассматривающем сугубо статутовые вопросы на фоне общественных отношений и политической ситуации ВКЛ. Эта работа сделала автора „статутоведом" номер1 в тогдашней Европе.

ных знаков бумаги ЛС (1588-1593-1600 гг.) (Э. Лауцявичюс. *Бумага в Литве XV-XVII в.*, Вильнюс 1979, с. 152-157; V. Raudeliūnas, *Pirmieji Lietuvos Statuto leidiami*..., s. 119-156).

[10] См.: A. Ragauskas, *Istorikas Ivanas Lappo (1869-1944) ir Lietuva*, [w:] *Lietuvos istorijos metrastis 1993*, Vilnius 1994, s. 81-91; В.Н. Чесноков, *Начало советского архивного строительства в Воронежской губернии*, „Записки воронежских краеведов" 1987, вып. 3, с. 59-84; E. Banionis, *Ivanas Lappo*, „Praeitis" 1992, III, s. 249-251.

[11] По словам самого исследователя, работа по сличению экземпляров ЛС „была (им) начата в 1912 году" (И.И. Лаппо, *К вопросу о первом издании Литовского Статута*, „Tauta ir Žodis", Kaunas 1928, V, с. 32).

Итак, авторитетный, необыкновенно ответственный эксперт с опорой на анализ подлинного материала – „пишущим настоящие строки были обследованы свыше тридцати экземпляров" Статута – взялся утверждать, что он „не нашел в них указаний на разновременность их происхождения"[12]. Более того, наблюдения, подкрепленные изучением техники старого печатного дела, привели И. И. Лаппо к выводу „об одновременных параллельных наборах и их печатании".

> Самые различия, – писал профессор о продукции Мамоничей, – и характер их указывают не на перепечатку одной серии экземпляров с экземпляра другой, а на набор с голоса (под диктовку) или с рукописи, ибо при наборе с печатного экземпляра, конечно, эти различия должны были явиться лишь своего рода случайными опечатками, притом не частыми. При перепечатке Статута с напечатанного уже раньше его экземпляра необходимо было бы ожидать почти точного повторения набора предшествующего издания, а не его постоянного изменения в отдельных буквах, сокращениях и даже иногда в размещении слов по строкам. (...) Нужно думать, что Литовский Статут был напечатан в 1588 году в таком большом количестве экземпляров, которое было вообще в средствах Мамоничской друкарни, при полном их напряжении. А для этого в условиях техники старопечатного дела она должна была неизбежно прибегнуть к одновременным параллельным набору и печатанию[13].

В числе приводимых И.И. Лаппо доводов – ссылки на практику работы иных „друкарен", воспроизведение хронологии статутовой первопечати, оставляющей Мамоничам не больше пяти-шести месяцев на выполнение ответственного заказа (на это указывает соотнесение дат утверждения *Статута* королем и вступления правовых положений кодекса в силу), анализ отношений, сложившихся между главным „заказчиком" – канцлером ВКЛ Львом Сапегой – и типографскими исполнителями „(перепечатка Статута Мамоничами тайком от государственной власти в действительности была безусловно невозможна)"[14].

Казалось бы, все вместе взятое, работающее на один тезис – „не существовало последовательных изданий русского текста Третьего Литовского Статута, (...) различия экземпляров единственного его издания объясняются параллельностью набора и печатания его

[12] И.И. Лаппо. *К вопросу о первом издании...*. с. 32.

[13] Там же, с. 37.

[14] И.И. Лаппо. *Литовский Статут 1588 года*, т. I, ч. 2, с. 387-396.

в типографии"[15] – дает возможность выйти из противоречий, которые создавались старым представлением о наличии нескольких изданий кодекса.

Однако гипотеза И.И. Лаппо была встречена неоднозначно. Одни – как знаток общерусского и литовского права Ф.В. Тарановский – ее приветствовали: „Таким образом падает легенда о «тайных» изданиях Статута Мамоничами без ведома канцлера Сапеги"[16]; другие – как знаменитый польский филолог и историк С.Л. Пташицкий – одобряли основную концепцию „Opinia taka znakomitego badacza Statutu bardzo jest ponętna"[17]; третьи – как автор серьезной работы о типографии Мамоничей Т. Иляшевич – высказывали осторожные сомнения: „Jakkolwiek przypuszczenie I. Łappy jest bardzo prawdopodobne, nie jest ono pewne"[18].

Время на критику пришло позже, когда на это позволило развитие науки и накопление новой информации. В 1959 году из печати выходит статья А.С. Зерновой, заведующей отделом старой книги ГБЛ, в которой автор, предложив свою датировку различных изданий ЛС (на основании сравнения степени износа типографского материала в экземплярах кодекса и иных – датированных – книгах Мамоничей), замечает:

> Предположение И.И. Лаппо об одновременном печатании всех трех изданий под диктовку ничем не подтверждается[19].

И уже окончательным развенчанием гипотезы И.И. Лаппо стали результаты многолетней работы Э. Лауцявичюса по изучению бумаги, производимой и употреблявшейся в давней Литве[20].

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что и сам И.И. Лаппо понимал, что свои положения он должен был подтвердить установлением времени изготовления бумаги.

> Совершенно ясно, – писал ученый, – что только бумага могла бы дать в этом отношении ценные указания. (...) И бумага всех обследованных нами

---

[15] Там же, с. 395.

[16] Газета „Россія и Славянство", 23 марта 1929 года.

[17] S. Ptaszycki, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego*..., s. 166.

[18] T. Iljaszewicz, *Drukarnia domu Mamoniczów w Wilnie (1575-1622)*, Wilno 1938, s. 70.

[19] А.С. Зернова, *Типография Мамоничей*..., с. 193.

[20] E. Laucevičius, *Popierius Lietuvoje XV-XVIII a.*, Vilnius 1967.

экземпляров отнюдь не указывает на разновременность их изготовления. Ее водяные знаки (Лис, Глаубич, Гоздава, Остойя, Полкозиц, Побуг, Любич, Ястржембец и др.) все одинаково указывают на бумагу, бывшую в обращении в последние десятилетия XVI века, да и вообще на основании филиграней возможно устанавливать, притом со значительными оговорками, лишь периоды в десятки лет, а не отдельные годы для изготовления рукописи, тем более большой печатной книги, для которой заготовляли потребное количество бумаги, приобретая ее от различных поставщиков всеми доступными способами[21].

Впрочем, автор приведенных слов справедливо не считал себя компетентным в области датировки производства бумаги.

Уже после публикации статьи с дискуссионной гипотезой на помощь коллеге пришел С. Пташицкий:

Na prośbę moją doświadczony i wytrawny znawca dawnego papieru p. Waclaw Graniczny, dyrektor Archiwum Skarbowego w Warszawie, zbadał papier sześciu egzemplarzy[22], i nieznając opinji prof. Ł. przyszedl niemal do identycznego wniosku: że z całą pewnością utrzymywać można, że zbadane sześć egzemplarzy Statutu wydrukowane są na papierze jednego rodzaju z dodatkiem nielicznych tylko arkuszy o znakach innych. Znaki filigranów są znakami polskich herbów. Przeważają karty ze znakiem, przedstawiającym herb rodowy Lwa Sapiehy (Lis) wydawcy Statutu, inne powtarzają się po kilka, a niektóre po kilkanaście razy. Papier z takiemi znakami, jak wykazaly badania, przeprowadzone w Archiwum Skarbowem w Warszawie, byl używany w końcu w. XVI jako aktowy w obydwóch kancelarjach podskarbińskich, jak w Koronie tak i na Litwie[23].

С позиций сегодняшнего дня важно подчеркнуть, что исследованные В. Граничным статутовые экземпляры относятся к разным изданиям: 1-е представляют книги из Национального музея во Львове и Библиотеки Варшавского университета; 2-е и 3-е – Библиотеки ординации Красиньских (соответственно sign. 1276 и 1275)[24]. Оссолинеум располагал двумя экземплярами кодекса: Ossol. XVI. F 4529 (2-е изд) и Ossol. XVI. F 4004 (3-е изд.) – неизвестно, какой из них стал объектом внимания В. Граничного. В любом случае заклю-

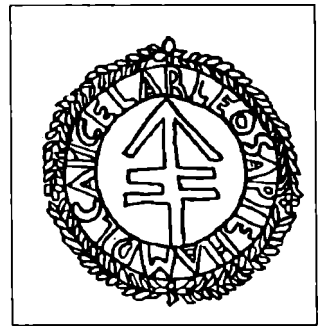
[21] Н.Н. Лаппо, *К вопросу о первом издании...*, с. 32.

[22] С. Пташицкий уточняет, что это были за экземпляры: Biblioteki Ordynacji Krasińskich NN 1275 i 1276, i Lwowskie – Ruskiego Domu Narodowego, Ruskiego Muzeum Narodowego, Bibliotek – Uniwersyteckiej i Zakładu Narodowego Ossolińskich.

[23] S. Ptaszycki, *Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego...*, s. 164-165.

[24] Обе книги Ординации Красиньских сгорели в Варшаве в годы второй мировой войны.

чение „знатока старинной бумаги", не сумевшего увидеть разницы в водяных знаках, хронологически разделенных двенадцатью годами, свидетельствует лишь об уровне тогдашних филиграноведческих представлений.



И если специалист по датировке бумаги в решении „статутового вопроса" оказался бессилен, можно ли большего ожидать от И.И. Лаппо? Оказывается, да. Спустя 50 лет после публикации И.И. Лаппо Э. Лауцявичюс указал на наличие в Статуте бумаги с филигранью, которую смело можно было бы назвать „говорящей": изображение основного компонента герба Сапеги („Лиса") на ней обрамляла надпись „Leo Sapieha MDL Cancelar" (см. иллюстр.). А, как известно, канцлером Magni Ducatus Lithuaniae „Великий Лев" стал во второй половине апреля 1589 года[25], и данный титул никак не мог фигурировать на водяных знаках бумаги, изготовленной в 1588 году. Несомненно, прав Э. Лауцявичюс, полагавший, что:

> знай это, Пташицкий изменил бы свое мнение по поводу даты издания Статута и должен был бы признать, что отдельные издания Статута вышли в разные годы[26].

Но ни С. Пташицкий, ни В. Граничный видеть этого знака не могли – он не фиксируется в проанализированных шести экземплярах ЛС[27]. Куда больше шансов встретить „Лиса с надписью" имел сам И. И. Лаппо, обследовший и подробно описавший 33 „русских" кодекса. Но эту редкую филигрань можно найти только в Статутах третьего издания (1600 год) – бумагу к нему Мамоничи производили

[25] Na sejm pacyfikacyjny w 1589 r. (Sapieha) udawał się jako pewny kandydat na kanclerstwo litewskie. Urząd ten otrzymał w II połowie kwietnia tego roku, zapewne w ostatnich dniach sejmu. W jego trakcie, 18 kwietnia, jeszcze jako podkanclerzy, podpisał ratyfikację traktatu bytomsko-będzińskiego (*Dom Sapieżyński*. Opr. E. Sapieha, Warszawa 1995, s. 180).

[26] Э. Лауцявичюс, *Бумага в Литве*..., с. 153.

[27] Строго говоря, один раз он все-таки просматривается – на листе 122 экземпляра Ossol. XVI. F 4004, но экземпляр этот, как уже указывалось выше, лишь с 50-процентной вероятностью (как один из двух) мог оказаться в руках исследователя.

в основном на собственной бумажной мельнице в Павильне[28], обозначая „Лисом" свою продукцию не ранее 1595 года[29]. Экземпляров ЛС 1600 года на сегодняшний день сохранилось 24. Из 22-х мною исследованных только 4 содержат отдельные страницы искомой бумаги с титулом канцлера. Это Статуты из библиотеки Оссолинских, Вроцлав XVI. 4004 – филигрань с надписью на л. 122; Украинской Академии наук, Киев, Кір 769 – лл. 44, 45; Библиотеки Института литературы и языка, Вильнюс – лл. 72, 85, 87, 89, 92, 94, 109, 111, 113 – все эти книги оказались вне поля зрения И.И. Лаппо, во всяком случае в число 33-х описанных не попали[30]. А вот четвертый экземпляр Статута, отмеченный „говорящей" филигранью, заслуживает более пристального внимания. О нем, пожалуй, никто бы сегодня не вспомнил, если бы один исследователь не избрал его в качестве своей „настольной" книги при работе в библиотеке:

> В течение почти 10 лет он постоянно пользовался книжными собраниями этой Библиотеки, а ряд лет работал в ней изо дня в день[31].

Библиотека эта находилась в Праге и принадлежала Национальному музею, а автором слов, написанных о себе в третьем лице, и одновременно усердным исследователем был ... Иван Иванович Лаппо. Профессор в т е ч е н и е нескольких лет „изо дня в день" держал в руках книгу, одиннадцать (!) листов которой (лл. 65, 85, 88, 89, 94, 95, 103, 109, 113, 181, 184) несли опровержение создаваемой им же теории „печатной поливариантности" ЛС. Пражский экземпляр по-

[28] Большая часть бумаги, использумой в первом издании Статута, произведена на бумажных мельницах окрестностей Кракова (80%), а также расположенного недалеко Мнишка; „удельный вес" краковской продукции во втором издании снижается до 7%, в то время как основными поставщиками бумаги становятся Узда под Минском и Ловчице под Львовом; наконец, третье издание делается на местной литовской бумаге, на две трети изготовленной на собственной мельнице Мамоничей.

[29] На это указывают первые фиксации бумаги с филигранью „Лис" (см. пояснение к атласу водяных знаков: E. Laucevičius, *Popierius Lietuvoje XV-XVIII a.*, Vilnius 1967, s. 200). Впрочем, есть в этом деле еще одна хронологическая „привязка": право на использование „Лиса" – двойного креста со стрелкой (основной компонент герба Сапеги) – Лука Мамонич получил от своего покровителя вместе со шляхетством только перед 1593 годом.

[30] См.: И.И. Лаппо, *Литовский Статут 1588 года*, т. II, с. V-XXX.

[31] Указ. соч., т. I, ч. 1, с. IV.

чему-то не упоминался после И.И. Лаппо в статутовой библиографии, между тем все эти годы находился там же, где оставил его самый скрупулезный и компетентный читатель – в пражской библиотеке Национального музея, sign. 64. A.13.

Таким образом, недосмотр в буквальном смысле этого слова, равно как недооценка силы „бумажных аргументов" обернулись рождением любопытной, но ошибочной концепции. Вероятность иного исхода – если бы филигрань „Leo Sapieha MDL Cancelar" оказалась замеченной – существенно скорректировала бы дальнейшую работу И.И. Лаппо. Одной гипотезой первопечати Статута могло бы быть меньше. Только вот выиграла бы от этого наука?